



Рассказы

РАССКАЗЫ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Ли Расен
Рассказы 2

«Крафтовая литература»

Расен Л.

Рассказы 2 / Л. Расен — «Крафтовая литература»,
— (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-44-980970-4

Во втором выпуске Крафтового литературного журнала «Рассказы» представлены отборные произведения русскоязычных авторов фантастики и фэнтези. Пять историй — пять увлекательных путешествий. Рассказы о бессмертном будущем и волшебном настоящем, о пересечении границ реального и авантюрах за пределами разумного... Рассказы о людях: людях сегодня, людях завтра и людях всегда. Январь-2020, светлый выпуск. Неофициальное название «Сквозь поколения».

ISBN 978-5-44-980970-4

© Расен Л.
© Крафтовая литература

Содержание

Ли Расен, Елена Бумагина, Владислав Безлюдный, Александр Зезюлин, Антон Морозов	5
Дорогой читатель!	6
Ли Расен	7
Елена Бумагина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Ли Расен, Елена Бумагина, Владислав
Безлюдный, Александр Зезюлин, Антон Морозов
Рассказы: Выпуск 2. Крафтовый
литературный журнал «Рассказы»**

Авторы: Ли Расен, Елена Бумагина, Владислав Безлюдный, Александр Зезюлин, Антон Морозов

Иллюстрации и обложка: Елена Маликова

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Аннотация: Во втором выпуске Крафтового литературного журнала «Рассказы» представлены отборные произведения русскоязычных авторов фантастики и фэнтези.

Пять историй – пять увлекательных путешествий. Рассказы о бессмертном будущем и волшебном настоящем, о пересечении границ реального и авантюрах за пределами разумного... Рассказы о людях: людях сегодня, людях завтра и людях всегда.

Светлый выпуск. Неофициальное название «Сквозь поколения».

Крафтовая литература, 2019



Дорогой читатель!

Серия сборников «Крафтовый литературный журнал "Рассказы"» предназначена для тех, кто любит фантастику во всех ее проявлениях: от пугающих историй ужасов до тревожных мистических детективов, от волшебных миров фэнтези до подкрепленных научными знаниями рассказов о будущем.

Это серия для тех, кто не привык загонять себя в узкие рамки одного направления и открыт новому, кто считает себя человеком смелым и разносторонним, кто мечтатель, высоко ценящий полет мысли и глубину воображения.

Отборные произведения современных русскоязычных авторов поселились на ее страницах и ждут своего читателя, тебя, чтобы увлечь с головой, чтобы вселить надежду или подтолкнуть к размышлениям, чтобы вынудить трепетать или радоваться, строить догадки, болеть за героев со стороны или... ощутить себя частью фантастической истории.

Подключи воображение, дорогой читатель, и попробуй прожить эти сюжеты вместе с их героями, как получилось прожить у нас. Тебе не должно быть слишком трудно, ведь в рассказах второго выпуска, несмотря на фантастическое содержание, подозрительно легко узнается окружающая нас действительность.

Оглядись. Не правда ли, люди снуют мимо, словно киномассовка – все, кроме того парня с механическими руками? Подростки, как всегда, уткнулись в смартфоны, а вон паяц приплясывает на углу и обещает исполнить желание. Или это уже разыгралось мое воображение?

Сейчас я прошу тебя открыть глаза чуть шире обычного. И представить, что все возможно.

Перелистывай страницу.

Максим Суворов, главный редактор

Ли Расен

Новое поколение

– Ну че, как?

– Норм!

– Ясно.

Повисла тишина – давящая, звенящая, дополняющаяся с потолка электрическими звуками ламп дневного света. Долгая-долгая тишина.

– Надо что-то сказать. – Парень почесал затылок, бросил быстрый неуверенный взгляд на девушку, сидевшую напротив него, затем на глазок камеры наблюдения в углу под потолком и уперся глазами в черную точку на полу. Вторая попытка начать разговор уже с самого начала показала ему провальную.

– Надо, ага, – еле заметно кивнула девушка, не поднимая глаз. Ее внимание также привлекла черная точка на кипенно-белом глянцево-молочном полу.

Повисло молчание. Опять. Долгое молчание. Давящее молчание. Нестерпимо неловкое молчание, длившееся, казалось, целую вечность.

– Э-э-э, ну... как дела? – парень хотел разрушить эту неловкость, заполнившую собой всю комнату, и вновь попытался завести разговор. На этот раз его взгляду удалось на мгновение задержаться на лице девушки, и он отметил про себя, как естественно смотрятся еле заметные веснушки на настоящем лице настоящего живого человека. До сегодняшнего момента веснушки ему приходилось видеть только на цифровых фотографиях или компьютерных моделях – аватарах.

– Нормально... – меланхолично протянула девушка. Теперь ее взгляд переместился на стену позади парня, на которой висела картинка с двумя толстенными пушистыми котами, делящими одну корзинку. Корзинка явно предназначалась только для одного не слишком увесистого кота, вдвоем эти толстячки с трудом там умещались.

Парень не мог видеть картинки, зато он мог видеть позади девушки круглое зеркало внушительного размера, которое напомнило ему портал в игрушке из Виртуального Мира – полного погружения – в которую он так любил играть в детстве.

Тишина, которую на миг разогнал парень неудавшейся попыткой начать разговор, вновь опустилась на комнату. Невыносимо. Хоть бы музыку включили. Ему хотелось что-то сказать, но он не знал что. Он судорожно пытался перебирать в мозгу слова, фразы, темы для разговора, но они всплывали на миг и сразу исчезали, так и не пойманные сознанием.

– Э-э-э... – протянула девушка, переводя взгляд на парня. – Ну, как... че? Ну... – начала было она, но не смогла продолжить – слезы потекли из ее глаз. Она закрыла лицо руками и начала рыдать, громко всхлипывая.

Ему хотелось ее утешить, но как? Погладить по голове? Взять за руку? Нужно что-то сказать. Но что? Он понятия не имел, что говорить плачущей девушке. Все слова, которые появлялись в его голове, либо пугались выйти на свет и сразу исчезали, либо застревали в горле и разбивались о невидимую преграду.

Как же сложно начать! Еще сложнее продолжить и поддержать разговор, чтобы он не выскользнул и не растворился в этой давящей звенящей тишине. Вот если бы под рукой был поисковик, а на сетине загорелись нужные слова... но они все забрали, выключили, заблокировали.

– Я... – слова опять застряли в горле, а затем растворились. В голове пустота. Что-то вертится такое, похожее на собственную мысль, но поймать как будто невозможно. Он под-

нял руку, протянул ее вперед – к ней. Рука замерла на полпути... В отчаянии парень встал и повернулся к плачущей девушке спиной.

Взгляд его уцепился за картину, которую он раньше не мог видеть. Непроизвольно улыбнувшись, он протянул руку и в правом нижнем углу нажал на сердечко. Сердечко загорелось бледно-синим цветом.

Взгляд парня скользнул ниже и уперся в маленькую выдвижную тумбу, где лежали цветные карандаши и листы бумаги.

Несколько секунд он пытался поймать ту идею, которая то возникала, то пропадала у него в сознании, наконец ему удалось ее ухватить. Вот оно! Точно! Надо попробовать. Он взял несколько чистых листов бумаги, два карандаша – *синий* и *зеленый* – и вернулся на свое прежнее место.

«Привет! Я Мартин. Как тебе жирные котики на стене? Лол» – с трудом держа карандаш, корявыми пляшущими буквами, синим цветом написал парень. Затем он легонько похлопал девушку по плечу. Девушка подняла заплаканные глаза – они были зеленые с желтыми крапинками. Удивительная графика, нет, лучше – жизнь. Глядя в эти глаза понимаешь, что значит настоящая, не виртуальная реальность. Графика, созданная самой природой.

Странное чувство вдруг наполнило парня от пяток до самой макушки, и ему захотелось закричать во весь голос. Слова уже подошли к горлу – «Какие у тебя красивые глаза!» – но вновь разбились, на этот раз о саму девушку, которая взяла лист и, опустив голову, быстро прочитала послание. На мгновение ее лицо приобрело озадаченное выражение, затем она просяла.

Девушка взяла зеленый карандаш, бросила взгляд на картинку с котами и, прикрыв листок ладонью, чтобы ее собеседник не видел, написала ответ:

«Привет! Я Марта. Это разве котики? Это бегемотики! #» – она прыснула и передала Мартину лист. Почерк девушки был почти ровным, буквы печатными.

Мартин осторожно взял лист, прочитал и, прикрывая свое послание рукой, как это делала Марта, принялся строчить:

«А если ты повернешься, за тобой будет портал, как в Инвижонс Порт 3. Играла в детстве?» – на мгновение с непривычки писать карандашом – вручную! – у Мартина свело кисть, и он чуть не выронил лист, передавая его Марте.

Марта, слегка покачиваясь от нетерпения, перехватила лист, быстро пробежала глазами и принялась отвечать:

«Я до сих пор играю в И Порт 3. Пусть ретро, плевать, мне нрав!» – Марта вернула лист Мартину.

«Да я бы сам с удовольствием поиграл в нее еще раз. Когда это все закончится и нас отпустят, может как-нибудь закажем на двоих? Знаю хороший шоплайнер».

«Я не против! # Ха! А помнишь мем с карандашом? Мы сейчас вот с тобой такой раритет держим в руках! Сфоткать бы... Это будет бомба!»

«Жаль, нечем ☺» – он уже собрался передать лист Марте, но помешкал и дописал: *«А где ты научилась писать рукой?»*

«Мама! Заставляла в детстве! Терпеть это не могла! Думала, никогда не пригодится...» – девушка подняла глаза на Мартина, глубоко вдохнула, открыла рот, как будто наконец-то хотела что-то произнести. Ее взгляд на мгновение стал рассеянным и смешным – без сомнения, она пыталась посмотреть на свой ретине на сетчатке, чтобы система считала запрос напрямую из ее головы и вывела нужный ответ на экран. Взгляд Марты сфокусировался на Мартине. Они встретились глазами и одновременно, краснея и смущаясь, уставились вниз, каждый на свои руки. Помедлив, Марта написала: **«У меня кисть так болит от этого ручного ввода! А у тебя?»**

«Да, тоже с непривычки кисть болит. А ты, кстати, откуда?»

«Я с юга, а ты?»

– Я... д... и... я... – Мартин уже хотел попробовать ответить вслух, но увидел широко раскрытые испуганные глаза девушки и не осмелился. Ее рука с листом, прижатым к столу, медленно скользила вперед.

Мартину хотелось закричать: «Да что же это?! Я могу говорить! Я не немой! Ты тоже можешь говорить, ведь ты уже пыталась! Марта, *расскажи* мне о себе!», но вместо этого он взял лист и написал: «*Я тоже с юга! Невероятное совпадение, не так ли?#*».



За стеклом стояла миловидная женщина лет пятидесяти в белом халате, с планшетом в руках и наушником в левом ухе. Переводя взгляд со стекла на экран планшета и обратно, она пристально следила за каждым действием молодых людей и тут же, в дополнительном экран-голограмме, висевшем справа от нее, вела какие-то заметки, корректировала протоколы. Сзади к женщине подошел коренастый старичок с аккуратно подстриженной серебристой бородой.

– Ну как? – спросил он. – Есть успехи, доктор Элис?

Доктор вздрогнула от неожиданности. Она находилась одна в этой комнате уже около пяти часов.

– Вы меня напугали, профессор Бэниан, – выдохнула женщина, не прерывая своего наблюдения. – Они отлично соображают, по крайней мере номер 305-Н. Парень менее чем за пять часов эксперимента нашел пишущие инструменты и применил их в соответствии с их назначением. – Доктор Элис продолжала делать пометки и одновременно отчитывалась профессору. – Разговора более-менее связного так и не состоялось. Однако у парня была неплохая попытка. Вот, посмотрите. – Она увеличила экран с камеры видеонаблюдения, нажала на отметку на тайм-лайне, и ползунок видео отъехал назад. Затем вместе со вторым наушником передала планшет профессору.

– Любопытно, – просмотрев запись, задумчиво протянул он. Глубоко вздохнул и с сожалением в голосе заключил: – Вряд ли разговор состоится. Они уже общаются в комфортной для них манере. Можно отзывать парочку, у них нет шансов.

– Но ведь у Триста Пятого же была попытка! – с возмущением воскликнула Элис. – Может, как-то помочь им, например подтолкнуть по громкой связи? – с надеждой в голосе спросила она. – Они уже пошли на контакт и, может, в какой-то момент им удастся выйти на словесный разговор.

– Я так не думаю, доктор, – категорично отрезал профессор. – У них был шанс стать первыми в своем поколении. Они его упустили. Да, Триста Пятый, конечно, любопытный, и можно будет попробовать его через некоторое время, как придет в себя и адаптируется после обнуления, но в данной ситуации я вижу, что это уже бесполезно.

– Но после привычного общения... возможно... есть шанс... – начала возражать доктор.

– Это не первый наш провал, – перебил ее профессор и уже более мягким тоном продолжил: – Вы ведь сами понимаете, Элис, что после привычного общения, пусть и непривычным способом, они уже не захотят выходить из зоны комфорта, пусть и не полной. Они все еще люди, – вздохнул профессор. Помолчав, он отдал распоряжение: – Верните их в комнаты, доктор. Перед этим сотрите в памяти эксперимент и поищите моменты, связанные с экспериментом. Их тоже подотрите, но не полностью, оставьте крючки. Затем подгрузите их снова в систему. Все ясно?

– Да, будет сделано, – разочарованно выдохнула доктор. В ее голосе профессор уловил нотки отчаяния.

– Тогда выполняйте.

Доктор послушно начала вводить код на дополнительном экране-голограмме.

– Не впускайте такие моменты внутрь себя, Элис. Вы верите, и это главное, – неожиданно произнес профессор и пошел прочь из комнаты наблюдения. Но у самого выхода остановился, развернулся и добавил: – Подобно тому, как сотни лет назад при помощи нейронных сетей человечество обучало нас смеяться и плакать, общаться при помощи слов, выражать свои чувства интонациями... подобно тому, теперь нам предстоит обучить их. Мы должны вернуть эти знания людям. Более того... – глядя в глаза Элис, профессор выдержал паузу. – Я думаю, они научили андроидов быть человеческими, потому что знали, что за всем этим Виртуальным Миром, в который они сами себя загнали, люди могут это утратить.



Доктор Элис грустно улыбнулась, а профессор с ободряющей интонацией продолжил:

– Мы найдем их, Элис. Тех первых, с которых можно начать. Однажды люди смогут общаться словами и не зависеть от экрана на сетчатке глаза и чипа в мозгу. Мы вернем человечеству то, что принадлежит им по праву. Мы должны. – Он немного постоял на пороге, перекачиваясь с пяток на носки, потом добавил: – Занесите Триста Пятого в реестр и не подгружайте пока в систему. Дадим ему еще один шанс.

Профессор Бэниан подмигнул доктору Элис и вышел вон. Она улыбнулась в ответ его спине, быстро сделала пометку в планшете и нажала кнопку громкой связи: «Эксперимент окончен. Спасибо». Отпустив громкую связь, она нажала на кнопку рядом, и в комнату, где находились подопытные, тонкой струйкой пошел усыпляющий газ.



«Я не люблю этого персонажа, он слишком предсказуемый» – Марта протянула листок юноше, и в следующее мгновение, как неожиданный удар битой по голове, на молодых людей обрушился оглушающий женский электронный голос: «Эксперимент окончен. Спасибо». Мартин вскочил с места.

– Нет! Вы не... – успел выкрикнуть Триста Пятый, и его сознание начало останавливаться и проваливаться в бездну, запечатлев напоследок в своих глубинах прекрасное лицо с веснушками и испуганными зелеными глазами с желтыми крапинками – такими естественными, такими натуральными, что при взгляде на них рождались идеи, сами по себе, и хотелось **кричать во весь голос!** Рассказывать всем и каждому, насколько они прекрасны, и говорить о них, о ней, о чем угодно... говорить. Делиться...

Посвящается моим родителям, Андрею и Наталье.

Елена Бумагина Больше пятидесяти двух

Свет становился все ярче. Она опять барахталась в том странном повторяющемся сне. Вокруг был лес – что-то вроде него – огромные стволы деревьев уходили вверх, а она старалась укрыться за ними, спрятаться от наступающей ее тьмы. Она не понимала, что за сила ее преследует, но чувствовала спиной ее приближение. Сорвалась с места, побежала куда-то, но запуталась в траве, кубарем скатилась в яму и свернулась в клубок за переплетениями корней. Темное нечто не отставало ни на шаг. Сначала она почувствовала его у себя над головой, затаилась, перестала дышать, но оно знало, где она прячется. Она в ужасе закричала – урчащая дымящаяся масса стекала по корням, оплетавшим ее убежище. Крик перешел в хрип, а ядовитая жижа начала светиться мягким, приятным светом. Свет становился все ярче.

Анна открыла глаза. Сердце колотилось как бешеное. Панели на потолке работали в режиме «летнее утро» и уже почти закончили «восход солнца». Анна повернулась набок и снова закрыла глаза. Обычно она сразу же вставала, но сегодня чувствовала себя невыспавшейся и разбитой.

– Который час, Анаис?

– Шесть двадцать семь, – с готовностью откликнулась ее помощница. – Простите, что разбудила вас раньше и во время фазы быстрого сна, но я зафиксировала аномальное учащение пульса и скачок артериального давления. Хотите поспать еще часок? Я выключу освещение и отрегулирую влажность воздуха.

– Нет, спасибо. Я лучше подольше позанимаюсь йогой.

– Хорошо. Тогда позвольте мне напомнить о важности дневного сна в таких случаях.

– Угу, – сказала Анна, опуская ноги на пол. Монитор на ее правой руке пискнул, восприняв ответ как положительный.

Камни на террасе еще не успели прогреться на солнце, и было так приятно переступить по ним босыми ногами. Автоматическая система полива уже всю разбрызгивала воду, орошая сад. В городах Благодатного Пояса всегда хорошая погода в это время года, дожди начнутся только поздней осенью, чтобы не дать растительности зачахнуть. Да и жители устают от летнего зноя и с радостью встречают тот кратковременный период прохлады, что заменяет здесь зиму. Миная была небольшим полисом на побережье, каскадами спускавшимся к морю. Селиться в прибрежной зоне было запрещено еще с тех пор, когда существовала реальная угроза затопления, поэтому все дома располагались наверху, на скалах. И хотя прошло уже много времени, долина внизу так и осталась зоной прогулок и отдыха, куда спускались на пару-тройку часов. Когда Анна заявила в Комитет по Миграции о своем желании переехать, ей предложили на выбор четыре полиса, в которых как раз освободились места. Почти неделю она размышляла, отправляла Анаис раздобыть побольше информации, запускала панорамы в медиа-комнате. И все-таки остановилась на Минае. Ей хотелось видеть море по утрам. И да, пока ей тут нравится, хотя она живет в этом месте не так уж и давно. Меньше столетия.

Анна полюбовалась на ярко-синюю гладь, улыбнулась и повернулась лицом к солнцу. Голова была тяжелой после сна, надо было сделать расширенный утренний комплекс и побольше упражнений на концентрацию.

– Как позанимались, Анна? Чувствуете себя бодрее?

– Да. Спасибо, Анаис. Можешь сделать чуть прохладней на кухне, снаружи уже становится жарко.

– Конечно. Двадцать два градуса вас устроит?

– Вполне.

Анна сама выбрала такой стиль общения. Ей было комфортней, когда ее домашний помощник говорил женским голосом и общался с ней немного официально. Называл на «вы» и придерживался норм вежливости. Но тут у каждого свои вкусы. И если Анаис напоминала Анне об утренней диагностике фразой: «И не обходите стороной медицинский блок», то, например, у Элаи его помощник по имени Чувак говорил: «Тащи свой зад в пыточное кресло, мудила!». Анна слышала, что у кого-то на севере города вообще включается тревожная сирена и медблок начинает подсвечиваться красным, но это уж как-то слишком. Не пострадает ли от этого точность показателей? Утренняя диагностика очень важна в их культуре, ведь монитор считывает лишь основные параметры, но не делает биохимического анализа и не сканирует мозг. Как можно спланировать жизнь, не понимая, что происходит в твоём организме?

Анна полулежала в кресле, чувствуя, как в шлеме попискивают датчики. Несмотря на йогу и плотный завтрак, ее все еще клонило в сон, поэтому анализ Анаис она пропустила мимо ушей. Все равно, если что-то будет не в норме, Анаис акцентирует на этом внимание, а пока ее слова доносились до сознания Анны как шум волн.

– ...немного повышен, но это нормально для девятого дня цикла. Напоминаю, что до t-инъекции осталось два месяца и восемь дней. Занести в список покупок на следующий месяц гигиенические средства большей впитываемости?

Анна вышла из забытья. Ничего-то Анаис не упускает из виду. Обильные менструации были побочным эффектом их образа жизни, и чем ближе к очередной t-инъекции, тем хуже. В последний раз Анна бегала в туалет чуть ли не каждые полчаса, смущая Анаис своими познаниями в области ненормативной лексики. Помощница намекала, что Анна слишком много взаимодействует с Элаей и уже начала перенимать его стиль общения.

– Почему нельзя принимать какой-нибудь препарат, чтобы менструаций не было вообще? – вопрошала Анна из уборной.

– Такие исследования проводились, но все подобные медикаменты негативно влияли на процесс регенерации и оказывались несовместимы с инъекцией.

– Понятно, – бурчала Анна. – Нет в мире идеала.

Спинка диагностического кресла приняла вертикальное положение, датчики перестали попискивать.

– Вы настроены сегодня как следует позаниматься, Анна? – спросила Анаис.

– О, да. Приступим!

В своем перспективном плане Анна отметила музыку как основное направление. С теорией все шло гладко, а вот с практикой сначала было нелегко: пальцы, как деревянные, не справлялись даже с простейшими упражнениями. Она даже уговорила Анаис сделать пару дополнительных обследований и назначить курс препарата, увеличивающего гибкость суставов. Несколько лет она усердно долбила гаммы и арпеджио, пока пальцы не стали порхать по клавиатуре. И только тогда Анна стала получать хоть какое-то удовольствие от процесса. Хотя до подлинного творческого экстаза ей было еще далеко.

– Предлагаю сегодня разобрать тему «Отклонение и модуляция».

– Тебе видней, Анаис, – ответила Анна и села за инструмент.

– Главное отличие состоит в том, что отклонение – это переход в другую тональность и возвращение в исходную, – Анаис включила на клавиатуре последовательность аккордов – обычный каданс в среднем темпе, который через септаккорд вдруг нырнул в тревожный минор. Драматичность нарастала, и перед самой кульминацией мелодия опять оказалась там, где и началась. Анна внимательно рассмотрела появившуюся на экране нотную запись, подняла руки и попробовала все это повторить.

– В то время как модуляция... – продолжила Анаис, – это переход в другую тональность и закрепление в ней.

– То есть окончательный и бесповоротный переход в другую тональность.

– Именно.

И так всегда – за занятиями и заботой о здоровье проходил почти весь день. Анна снова вышла на террасу, когда небо стало сиреневым, а воздух наполнился прохладой.

– Сегодня ужинаете дома или подтверждаете встречу на площади Объединения? – мягко спросила Анаис.

– Подтверждаю встречу. Мы давненько не виделись.

Анне нужно было спуститься на три горизонтали вниз. Улицы Минаи были оформлены в старинном средиземноморском стиле – много зелени, симпатичные крашенные заборчики, кованые украшения. Анна знала, что все эти фонарики и решеточки действительно были сделаны вручную – в полисе уже много лет работала программа возрождения старинных ремесел. Казалось бы – подобная архитектура существовала давным-давно, а то, на что она смотрела сейчас, – всего лишь имитация. Но ей такой дизайн нравился, он создавал иллюзию полного погружения – вон, даже траволаторы на городских улицах были декорированы под гранитные плиты.

На площади Объединения, как обычно, было полно народу. Здесь находились самые популярные рестораны, не только автоматизированные, но и такие, в которых готовили настоящие шеф-повара – люди, вписавшие в свой перспективный план тонкое искусство кулинарии. Бронировать столик в таких заведениях приходилось за несколько недель, и сегодня как раз подошла ее очередь. Анна прошла сквозь увитую декоративным виноградом арку, и Анаис немедленно подтвердила ее бронь.

– Столик номер восемь. Ваша гостья уже пришла, – в общественных местах Анаис переходила на приглушенный вкрадчивый голос. Анна кивнула и поспешила на террасу.

Выглядела она прекрасно. Длинные густые волосы, черные как смоль, темные глаза с поволокой, кожа персикового цвета. На вид лет двадцать пять, как и всем в этом городе, как и всем в этом мире. Анна кинулась к ней с объятиями, с радостью вдохнув ромашковый запах ее кожи, так хорошо знакомый уже несколько сотен лет.

– Привет, мама.

– Привет, милая! Да ты просто цветешь! Как дела? Как твои занятия музыкой?

Они сели за столик, над которым немедленно вспыхнули полупрозрачные экраны с меню.

– А я в последнее время подумываю сменить план, – сказала мама, спроецировав на стол голографическое изображение салата и разглядывая его со всех сторон. Из тарелки стали выпрыгивать флажки параметров с указанием энергетической ценности, содержанием витаминов, минералов и прочей информацией.

– Рекомендую добавить морепродукты. У вас в организме в последнее время наблюдается небольшая нехватка йода, – раздался приятный баритон. Это подал голос мамин помощник Жерар. Анаис помалкивала, она всегда была очень сдержана в присутствии Жерара.

– Как скажешь, милый! – ответила мама и перетащила изображение креветок в тарелку с салатом. – Так вот, я думаю сменить план. Я знаю, что это не одобряется, но новая идея меня так захватила...

– Мне казалось, тебе нравилась палеоботаника.

– Да, но я хочу делать что-то полезное! Я хочу видеть результат своего труда! А не просто выучить каталог вымерших растений, – мама взмахнула рукой, давая понять, что определилась с заказом.

– Вот не начинай, – сразу посерьезнела Анна. – Ты же знаешь, к чему это может привести.

– Если ты намекаешь на своего отца, то, я думаю, у него сейчас все отлично. Я слышала, он окончательно обосновался в Иберике. И кстати, его разработки в области геоинженерии до сих пор очень высоко ценятся.

– Да, только ты помнишь про ту экспедицию в Арктику. Его номер уже хотели отдавать на обновление, когда он наконец подал сигнал.

Мама нахмурилась.

– Твой отец отправился в экспедицию не для того, чтобы нервы себе пощекотать. Это был очень важный проект, и, возможно, мы до сих пор существуем только благодаря ему. Ты не помнишь, но это ведь была реальная угроза для всех нас. Дамбу на Западном Пределе приходилось увеличивать каждые пятьдесят лет. А с тех пор как Арктический проект запустили, уровень океана перестал подниматься. По крайней мере, так сильно.

Анна насупилась. Она все прекрасно понимала про общественное благо, но мама всегда была склонна к авантюрам, и Анна опасалась, что той просто наскучило благополучное существование.

– Ну перестань, – мама потрепала Анну по руке. – Я же не собираюсь ехать за Пределы. Я просто хотела снова вернуться к архитектуре. Меня привлекает подводное строительство.

– Сколько лет назад ты была архитектором? Триста? Четыреста? Ты уже все забыла!

– Да, придется освежить знания, – беззаботно откликнулась мама. – Но ничего, меня это совершенно не пугает.

К их столику подъехал сервировочный модуль и принялся неспешно расставлять перед ними тарелки и раскладывать приборы. Мама придирчиво осмотрела свой салат.

– Бон апети! – отсалютовал модуль и отправился к соседнему столику.

– Представляешь, раньше это делал человек! Настоящий живой человек! Что за чудовищное растрачивание ресурса! – мама даже склонилась к ней поближе, чтобы ее не услышали другие люди.

– Да, мама, я тоже читала старые книги.

Они уже закончили ужинать и поднялись из-за стола, когда раздался удар колокола с башни.

– О, они сейчас будут выходить! Пойдем скорее, посмотрим! – Мама кинулась к выходу с веранды. Анна поспешила за ней, краем глаза заметив, что на монитор пришло уведомление об оплате. Анаис по-прежнему не подавала голоса при Жераре.

Перед резными воротами уже собралась небольшая толпа. Огромное здание школы могло принять сотню учеников, но для их мира это была утопия. Дети были роскошью, редкостью, драгоценностью. Количество жителей Благодатного Пояса не менялось веками. И только если происходило убийство человека, если номер освобождался, то его отдавали на обновление. Между семьями, жаждущими родить дитя, бросался жребий, и те счастливики, на кого он падал, получали высокое право привести в этот мир нового человека. Миная была удачливым полисом – у них было пятеро детей! Одна девушка шестнадцати лет, один младенец и трое школьников. В некоторых полисах был всего один ребенок, и его почитали как бога. Анна как-то выспрашивала Анаис, а сколько всего детей в Поясе, на что она после небольшого молчания ответила:

– Согласно моей информации, всего в Благодатном Поясе пятьдесят два жителя, не достигших совершеннолетия.

– Смотри, смотри – Моника! – шепнула мама ей в ухо. Но в такой секретности не было необходимости, все головы и так были повернуты в сторону красивой, статной девушки, одетой в черное.

Все в Минае знали историю Моника, да и в других полисах тоже. Они с мужем были парой «неразлучников» – довольно нечастый случай в их мире. Большинство предпочитали краткосрочные отношения, даже самые прочные партнерства длились максимум сорок-пятьдесят лет, потом люди расходились, переезжали в другие города, начинали все заново. Да что говорить, многие совсем не помнили своих родителей! Это Анна с мамой сохранили дружеские отношения, мама даже переехала в Минаю после восторженных отзывов дочери. Зато отца она бы не узнала, столкнувшись с ним нос к носу. И такое не было редкостью. Системе пришлось внедрить в помощников специальный алгоритм распознавания, чтобы избежать близко-

родственных связей. А вот Моника и ее муж Тео жили вместе почти пятьсот лет. И все пятьсот лет они безуспешно участвовали в жеребьевке.

Удача раз за разом обходила их. Моника просто помешалась на своем желании иметь ребенка, забросила занятия и саморазвитие, перестала появляться на людях. И тогда Тео нашел выход. Он вписал в перспективный план юриспруденцию и годами штудировал законы и правила на предмет лазейки. И обнаружил, что существует закон наследования личного номера. Если человек убывает по своей воле (то есть не является преступником или носителем генетической ошибки, которого устраняют с помощью m-инъекции), то он может оставить завещание, где прямо указывает того, кому передается право обновления. И за все столетия существования Благодатного Пояса этим законом не воспользовался никто.

– Идут, идут! Какие они милые! – мама вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть происходящее внутри школьного двора.

Два серьезных мальчика и одна девочка, одетые в цвета полиса Миная, шагали к воротам, сопровождаемые наставниками. В обучении детей продолжали использовать педагогов-людей: экспериментами было доказано, что это позитивно сказывается на психологическом развитии. Ворота открылись, и дети бросились к своим родителям. Моника распахнула объятия и со слезами на глазах прижала к себе одного из мальчиков, того, что помладше. Она поцеловала малыша в макушку, взяла за руку, повернулась спиной к толпе и повела его в сторону траволаторов. Другой рукой она крепко сжимала кулон с крупным алмазом, висящий у нее на шее. Тео был с ней даже после убийства.

– Я уже и не помню, когда ты была такой.

Они с мамой прогуливались под ручку вокруг фонтана. Им обоим было нужно к траволаторной развязке, там их пути расходились. Мама жила на востоке полиса, возле висячих садов.

– Я тоже, – ответила Анна. – Совсем не помню себя маленькой.

– Детство пролетает так быстро! Каких-то двадцать лет и все! – Завибрировал монитор, мама прочла уведомление и засобиралась. – Милая, мне пора! Увидимся как-нибудь!

– Она уже ждет? – с улыбкой спросила Анна.

– Да, – мама просто сияла. – Я не могу опоздать и в этот раз.

Анна помахала вслед траволатору, уходящему на восток, потом немного постояла у фонтана и послушала музыканта-пианиста. Он исполнял «Лунный свет» Дебюсси, чисто, идеально, выверено до мельчайших отзвуков. И все-таки машинное исполнение чем-то неуловимо отличалось от человеческого. Анна хмыкнула. Солнце уже село, в кованых фонарях мягко мерцали осветительные сферы. Убедившись, что на нее никто не смотрит, она направилась к вертикали – крытому траволатору, ведущему к морю.

– Напоминаю, что не рекомендуется посещать долину после наступления темноты, – предупредила Анаис.

– Спасибо. Но я буду не одна.

– Тем более, – не унималась Анаис. Она прекрасно знала, с кем Анна собирается встретиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.